

УДК 314.74; 325

Тема раздела: специфика миграционных процессов и диаспоростроительства в монгольском мире*

М. Н. Балдано

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

В. И. Дятлов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Монгольский мир, определяемый как исторически сложившееся и динамично развивающееся историко-культурное пространство, является замечательной площадкой для изучения миграционных процессов и феномена диаспоры. В нем взаимодействуют как миграционные процессы традиционного типа, так и современные трансграничные и трансрегиональные миграции. Сформировались эмиграционные и иммиграционные потоки. В условиях интенсивных и далеко не завершенных процессов нациестроительства, по-разному протекающих в различных сегментах монгольского историко-культурного пространства, формируются модели интеграции мигрантов в принимающие общества, диаспоральные группы и институты. Комплексное изучение всего разнообразия миграционных процессов может как сформировать новые представления о развитии изучаемого объекта, так и внести вклад в развитие миграционной и диаспоральной теории.

Ключевые слова: монгольское историко-культурное пространство, миграции, диаспоры, кочевые общества, нациестроительство, переселенческое общество.

Статьи этого раздела журнала – результат работы в рамках исследовательского проекта «Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия» (грант РГНФ № 15–01–00243а).

Существуют различные понимания монгольского мира, так же как и различные термины для его обозначения. Объективная сложность решения этой проблемы нередко усугубляется сопутствующими идеологическими и политическими коннотациями [2, с. 263–281]. В понимании авторов это исторически сформировавшееся на огромных просторах Внутренней Азии монгольское историко-культурное пространство, объединяемое сходством или родством языков, многих культурных норм, общностью – или представлениями об общ-

* Публикация выполнена при поддержке проекта РГНФ № 15-01-00243а «Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия».

ности – истории, общими традициями, исторической памятью, мифологией. При этом феномен чрезвычайно разнородный и многообразный, изначально структурированный по родоплеменному признаку, разбросанный на огромной территории.

В силу исторических обстоятельств монгольское историко-культурное пространство было рассечено несколькими государственными границами. Это предопределило в XIX–XXI вв. исторически различные пути нациестроительства в рамках и контексте нескольких государств. Как результат – существование сейчас как минимум в рамках трех государств нескольких самостоятельных народов (с собственными культурами, языками, историей, судьбой, историческими и культурными мифами). При этом сохраняется и воспроизводится представление о культурном родстве, общих культурных, исторических корнях, общей мифологии, родстве языков и культурных норм.

Важнейшая сущностная характеристика монгольского мира – высокая географическая мобильность. Кочевое скотоводство было на протяжении веков не только укладом экономики, но и образом жизни. В процессе становления государств современного типа и адекватных им границ меняется, наполняется новым содержанием и традиционный механизм перекочевков и откочевков. В частности, катаклизмы XX в. породили многочисленные и массовые случаи беженства, в том числе и в форме откочевков.

Откочевка или уход на новую территорию в другое государство родовыми группами со скотом как основой экономической деятельности вела к автоматическому воспроизводству социальности, к трансплантации на новое место традиционной социальной структуры, системы властных и иных отношений, образа жизни, имущества и хозяйственного уклада. Поэтому не происходило деклассирования и маргинализации – и в этом принципиальное отличие от классического беженства. Не происходило и растворения среди родственного по культуре принимающего общества. В общем контексте модернизационных процессов это вело к формированию новых типов социальности и новых механизмов межгрупповых взаимоотношений. Формировался новый современный тип трансграничных миграций.

К этому следует добавить массовые по масштабам монгольского мира современные миграции за его пределы – в другие государства или за пределы традиционного ареала обитания в рамках собственных государств. Здесь важно посмотреть, что происходит там с мигрантами, каков диапазон их индивидуальных и/или групповых интеграционных стратегий (от ассимиляции до «закукливания»).

Этнонациональная политика независимого Казахстана, важнейшей составной частью которой стала кампания по «возвращению соотечественников», остро поставила вопрос о групповой идентичности монгольских казахов, вызвала масштабную эмиграцию («репатриацию» в Казахстан). Даже если интеграция оралманов проходит там успешно и не формирует тенденции обратной миграции, их родственные, культурные, ностальгические связи с Монголией сохраняются. Вопрос о том, что является для них «исторической родиной», пока не закрыт.

Принципиально важна в этом контексте проблема диаспор: насколько неизбежно их формирование в ходе миграционных процессов. Для разделенного государственным границами монгольского мира очень важно то, что диаспоры оказывают своим фактом своего существования (или предположения о таком существовании), по словам Й. Шайна и А. Барта, «влияние на развитие международных отношений разными способами: пассивно и активно, конструктивно и деструктивно» [12, с. 961–995].

Задачи типологизации диаспоральных групп и стратегий в монгольском мире требуют комплексного анализа ситуации, создания максимально широкой картины. Поэтому необходимо хотя бы упоминание тех случаев, которые не являются основным предметом исследования в данном тексте или являются им косвенно.

Вряд ли теория диаспор является адекватным инструментом для объяснения и анализа последствий миграционных процессов в традиционном кочевом обществе. Даже очень дальние перекочевки, территориальная отдаленность от культурно родственного массива не означает при таком развитии событий пересечения границы – государственной или культурной. Именно граница – политическая или культурная, реальная или символическая – формирует принципиально важную дихотомию: диаспора – «историческая родина». Ситуация может принципиально измениться, когда возникшая граница начнет формировать диаспоральное сознание и модель поведения там, где до этого в них не было потребности.

Из рассмотрения исключаются миграции в монгольские этноареалы представителей этнокультурного большинства в России и Китае соответственно. Для них это внутригосударственные миграции, не требующие применения диаспоральных (групповых) практик адаптации к новым местам. Проблема отпускающего и принимающего обществ перед ними не стоит. Проблемы сохранения этнокультурной идентичности – также.

В современном Китае представители монголоязычных народов несомненно интегрируются в общекитайское пространство, причем не только во властно-политическом, но и в социокультурном измерении. При этом проводимая национальная политика, предусматривающая существование автономных национальных районов, препятствует перерастанию этой глубокой интеграции в ассимиляцию.

А вот бурно протекающие процессы трансграничных миграций в Россию имеют самое прямое отношение к предмету нашего исследования. Трудовые мигранты из стран Закавказья, Центральной Азии, Китая сумели стать необходимой и важной частью экономики, довольно далеко зашли процессы их интеграции в российское общество. Трансграничные трудовые мигранты широко применяют диаспоральные стратегии интеграции, формируют связи сетей и отношений на этнической и/или земляческой основе [6]. Для целей нашего исследования принципиально важна специфика участия Бурятии в этих процессах. Имеющиеся работы показывают, что принципиальных, качественных отличий от общероссийской ситуации здесь не наблюдается [5; 10; 11; 13, с. 31–37].

Как уже отмечалось, Монголия выступает в процессах трансграничных миграций в качестве и принимающей, и отдающей страны. Очень важно оценить роль китайских мигрантов и отношение к ним в этой части монгольского мира, которая обладает собственной государственностью. Эффективнее всего диаспоральный аппарат анализа работает при изучении современных миграций за пределы монгольского мира – особенно за границы государств.

Куда сложнее обстоит дело с изучением характера и последствий миграции за пределы государства представителей монгольского мира России. Неясен вопрос о том, используют ли они диаспоральные стратегии интеграции в принимающем обществе, и главное, если такие стратегии присутствуют – основаны ли они на идентичности российской или бурятской, например.

Дискуссионным является вопрос о характере миграций в рамках одного государства, но за пределы традиционного социокультурного ареала монгольского мира. Некоторые исследователи считают, что миграции, не носящие трансграничного характера, не могут стать причиной формирования диаспор. Представляется, что вопрос о том, являются ли сообщества бурят за пределами бурятского этноареала диаспорой или не являются, малоинтересен и совсем не эвристичен. Важно выявить наличие или отсутствие диаспоральных практик, посмотреть, насколько диаспоральный теоретический инструментарий применим для анализа такой ситуации.

Уникальна проблема трансграничных миграций в пределах монгольского мира. Опыт почти вековой жизни бурят в независимой Монголии [4, с. 273–283; 6; 7, с. 83–110; 8; 14], уникальная «одиссея» шэнэхэнских бурят [1, с. 164–192; 3] свидетельствуют о том, что однотипность социально-экономического уклада жизни, родство языков и культуры, представление об общности истории и судьбы не стали здесь факторами и механизмами ассимиляции. Глубокая адаптация в принимающее общество не стала препятствием для внутренней консолидации этих групп, формирования особой самоидентификации и принятия диаспоральной модели устройства жизни. Репатриация части шэнэхэнских бурят в постсоветскую эпоху остро поставила перед ними вопрос о том, где находится сейчас их «историческая родина» – в местах исхода их предков или в Шэнэхэне [9]. Их сложная интеграция в современное бурятское общество заставляет задуматься о природе и характере «бурятскости», динамичном характере этого феномена.

Отдельная, очень сложная по характеру и последствиям проблема оралманов – этнических казахов в Монголии [15, р. 168–179; 16, р. 31–49]. Мощная этнократическая составляющая в стратегии нациестроительства в независимом Казахстане включает в себя и идею «собираения нации». Она заключается в признании права всех этнических казахов на казахстанское гражданство и в проведении специальной государственной политики по их репатриации. Это поставило монгольских казахов перед серьезным выбором и необходимостью этнического и национально-государственного самоопределения. Уже продемонстрировано несколько вариантов выбора: остаться в Монголии на положении ее полноправных граждан в качестве национального меньшинства, переселиться в Казахстан и принять его гражданство, переселиться в Казах-

стан и вскоре вернуться в Монголию. В любом случае формируется новая ситуация и новая роль казахского фактора для Монголии. Частью этой ситуации может стать принятие диаспоральной модели, формирования комплекса диаспоральных практик и идеологии.

Таким образом, гипотеза о различных формах и моделях диаспоростроительства в монгольском мире имеет серьезные основания. Изучение сложных и многообразных миграционных процессов необходимо как для понимания динамики развития монгольского мира и его составляющих, так и для изучения процессов диаспоростроительства в целом. Это предполагает необходимость изучения реальных и потенциально возможных последствий. Мировой опыт показывает, что наличие диаспор может стать и становится важным фактором развития и отправляющего, и принимающего обществ, существенным элементом выстраивания межгосударственных взаимоотношений. Диаспоры могут быть инфраструктурой связей, обмена информацией, культурными ценностями, экономическим ресурсом, по своему положению они – идеальные посредники и переводчики. В эпоху глобализации значение таких функций и их носителей радикально увеличивается. Они могут становиться и материалом для выстраивания идеологием («собрание нации», «разделенный народ»). Такие идеологемы могут иметь внутргосударственное предназначение, служить инструментом внутренней этнической консолидации. Однако в мировой истории были и примеры попыток использования и манипулирования проблемой, что делало диаспоры не только соединительным мостиком между странами и народами, но и «яблоком раздора» между ними.

Список литературы

1. Балдано М. Н. Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору? / М. Н. Балдано, В. И. Дятлов // Диаспоры. – 2008. – № 1. – С. 164–192.
2. Балдано М. Н. Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы – риски и возможности / М. Н. Балдано // Трансграничные вызовы национальному государству / авт. проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. – СПб. : Интерсоцис, 2015. – С. 263–281.
3. Бороноева Д. Ц. Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (историко-культурологический анализ): дис. ... канд. ист. наук : 24.00.02 / Д. Ц. Бороноева ; СО РАН ИМБит. – Улан-Удэ, 1999. – 174 с.
4. Бороноева Д. Ц. Буряты в Монголии и во Внутренней Монголии КНР: антропология переписи и идентичность / Д. Ц. Бороноева // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике / отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск : Оттиск, 2010. – С. 273–283.
5. Из Азии в Сибирь, или в поисках «Нового света» (положение мигрантов из Центральной Азии в Байкальской Сибири) / СО РАН, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии ; отв. ред. П. К. Варнавский, редкол.: М. М. Содномпилова, Б. З. Нанзатов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 216 с.
6. Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия : в 3 т. / Рос. совет по междунар. делам ; под общ. ред. И. С. Иванова, отв. ред. Ж. А. Зайончковская. – М. : Спецкнига, 2013. – 3 т.
7. Нанзатов Б. З. Монгольские буряты: диаспора в ситуациях вызова / Б. З. Нанзатов // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и со-

временность / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Монг. гос. ун-т науки и технологии ; отв. ред. Б. З. Нанзатов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 83–110.

8. *Ринчинова О. С.* Бурятская диаспора в Монголии: этапы формирования и развития : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. С. Ринчинова ; СО РАН ИМБит. – Улан-Удэ, 2011. – 170 с.

9. Соотечественники и историческая родина: взаимные дискурсы и практики : монография / под ред. Н. Г. Галеткиной, К. В. Григоричева. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 247 с.

10. Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность : сб. науч. ст. / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии, Шинжлэх ухааны академийн Туухийн хурээлэн ; отв. ред. Б. З. Нанзатов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 162 с.

11. Трансграничные мигранты в пространстве монгольского мира: история и современность. Вып. 2 : сб. науч. ст. / РАН, Сиб. отд-ние. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии ; отв. ред. Б. З. Нанзатов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 202 с.

12. *Шайн Й.* Диаспоры и теория международных отношений / Й. Шайн, А. Барт // Современная наука о международных отношениях за рубежом : Хрестоматия : в 3 т. / под общ. ред. И. С. Иванова. – М., 2015. – Т. 2. – С. 961–995.

13. *Шармашкеева Н. Ж.* Гостиница «Одон» – центр китайской жизни в Улан-Удэ / Н. Ж. Шармашкеева // Этногр. обозрение. – 2008. – № 4. – С. 31–37.

14. *Шмыт З.* «Модерн номадс»: Антропологические очерки современных бурятских миграций в России / З. Шмыт ; под ред. К. В. Григоричева, Ю. Н. Пинигиной. – Иркутск : Оттиск, 2013. – 192 с.

15. *Sharad K. S.* Repatriation of Oralmans and Their Socio-Economic Integration in Kazakhstan / K. Soni Sharad // Gender and Human Development in Central and South Asia / Mondira Dutta (ed.), Pentagon Press. – New Delhi, 2013. – P. 168–179.

16. *Sharad K. S.* Mongolian Kazakh Diaspora: Study of Largest Ethnic Minority in Mongolia / K. Soni Sharad // Bimonthly Journal of Mongolian and Tibetan Current Situation (Taipei, Taiwan). – 2008. – Vol. 17, N 3. – P. 31–49.

Section Topic: Specific Features of Migration and Diaspora-building Processes in the Mongolian World

M. N. Baldano

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of RAS, Ulan-Ude

V. I. Dyatlov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The Mongolian world, defined as a historically shaped and dynamically developing historical and cultural space, is a wonderful platform for the studying of migration processes and the phenomenon of diaspora. It embodies interactions of both traditional migration processes and modern cross-border and trans-regional migrations. It formed emigration and immigration flows. In the context of intensive and incomplete of nation-building processes occurring in various segments of the Mongolian historical and cultural space, models of integration of migrants to host societies, diaspora groups and institutions are shaped. A

comprehensive study of the entire diversity of migration processes can both generate new knowledge about the development of the body of interest and contribute to the development of migration and diaspora theories.

Keywords: Mongolian historical and cultural space, migrations, diaspora, nomadic societies, nation-building, migrant society.

Балдано Марина Намжиловна

*доктор исторических наук, профессор,
заведующая, отдел истории, этнологии
и социологии*

*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН*

*670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)214626*

e-mail: histmar@mail.ru

Baldano Marina Namzhilovna

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Head of the Department of History
Ethnology and Sociology*

*Institute of Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies RAS*

*6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047
tel.: 8(3012)434097*

e-mail: histmar@mail.ru

Дятлов Виктор Иннокентьевич

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра мировой истории
и международных отношений,
исторический факультет*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1*

тел.: 8(3952)241974

e-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Dyatlov Viktor Innokentievich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of World History and
International Relations, Faculty of History
Irkutsk State University*

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952)241974

e-mail: vikdyatlov@yandex.ru